

Н. Н. Грацианская, С. А. Токарев

ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ РАЙОНИРОВАНИЕ ЕВРОПЫ

[К истории изучения]

Определенная общность народов Европы осознавалась еще в античную эпоху. Геродот (V в. до н. э.) полагал, что вся земная суша, огибаемая Мировым океаном, делится на три части: Европу, Азию и Ливию (т. е. Африку)¹. А уже Страбон (I в. до н. э. — I в. н. э.) в своей географической энциклопедии очень четко различал отдельные части света и, принимая геродотову «трипартицию», все преимущества отдавал Европе, «...потому что она очень разнообразна по форме, наиболее благоприятна для облагораживания человека и гражданина и сообщает большую часть своих благ прочим землям. Вся она удобообитаема, за исключением небольшой части, необитаемой вследствие холода»².

В раннее средневековье географический горизонт крайне сузился, термин «Европа» совершенно выпал из обращения, говорилось только о христианских странах, противопоставляемых «мусульманскому», «языческому» Востоку. В эпоху Великих географических открытий на новые территории иногда переносили «европейскую» номенклатуру: «Новая Испания», «Новая Гренада», «Новая Франция», «Новая Голландия» и пр.

В начале XIX в. европейские ученые (например, школы Якоба Гримма, Макса Мюллера) стали искать общие черты в верованиях и обычаях разных (преимущественно «индоевропейских») народов. Но региональной спецификой они не интересовались. Еще резко обозначилось это направление научных интересов во второй половине XIX в., когда в этнографии господствовала эволюционистская школа (Э. Тайлор, Дж. Леббок, Дж. Мак-Леннан, Г. Спенсер, А. Бастиан и др.), которая искала и находила повсюду лишь общечеловеческие черты культуры и быта.

Попытки выявить специфику европейской региональной общности, осмыслить эту европейскую проблематику в рамках мировой истории культуры начались в первой половине XX в. Одну из попыток такого рода предпринял выдающийся австрийский этнограф А. Хаберландт. В своей фундаментальной работе «Народная культура Европы в ее историческом развитии»³ он впервые охарактеризовал все области материальной и духовной культуры европейских народов, стараясь объединить эволюционистский метод со сравнительно-историческим. Гораздо менее целостное представление о европейской культуре дает книга Ж. Монтандона, в которой причудливым образом сочетаются концепции «ологенетическая» и «культурных кругов». Зато в ней интересна попытка типологической классификации явлений материальной культуры, где

¹ Геродот. I, 2, 16.

² Страбон. II, 5, 26.

³ Хаберландт А. Die volkstümliche Kultur Europas in ihrer geschichtlichen Entwicklung. — In: Illustrierte Völkerkunde. B. 3. Stuttgart, 1923.

европейские формы включены в схемы мировой типологии⁴. Народам Европы отведена также половина второго тома объемистого труда итальянского этнографа и антрополога Р. Биасутти «Расы и народы Земли», в котором изложение ведется по отдельным регионам и группам народов⁵.

Перечисленными здесь общими работами и исчерпываются, видимо, чисто этнографические сочинения, посвященные Европе в целом. Отставание этнографической европейистики от других дисциплин⁶, касающихся этой части света, все более осознается этнографами.

В начале 1950-х годов группа видных европейских этнографов во главе со шведским ученым С. Эриксоном взяла на себя принципиально важный посыл — выявить место европейской этнографии среди родственных и смежных наук. В качестве объединяющего Эриксон выдвинул понятие «региональная этнология» как ответвление «общей этнологии», сближающейся с «социологией» в рамках исторических наук. Тем самым был указан путь к преодолению традиционного разрыва между «краеведческой» этнографией (фольклором) и разными отраслями исторической науки. Это нашло отражение и в сборниках «Лаос» (греч. «Народ»), выходявших с 1951 г. под общей редакцией Эриксона и при активном участии таких видных ученых, как М. Гавацци и Бр. Братанич (Югославия), Р. Вейсс (Швейцария), О. Хюльткранц и А. Стенсберг (Швеция), А. Вараньяк (Франция), А. Хаберландт (Австрия) и др., опубликовавших в сборниках немало статей программного и методологического характера⁷. Особое значение придавалось картографическому методу изучения народной культуры. Всего вышло три сборника «Лаос» (I—III, 1951—1955).

В 1960-х годах был сделан еще один крупный шаг к расширению и объединению научных исследований по общеевропейским этнографическим проблемам. Группа этнографов — С. Эриксон, Бр. Братанич, Ж. Диаш, Г. Роган-Чермак — выступила инициатором создания междunarодного европейского журнала «*Ethnologia Europaea*», который издается и поныне⁸. В программной декларации, помещенной в первом номере, говорилось, что журнал «считает своей задачей ликвидировать перегородки, отделяющие европейскую этнологию от общей, а также и те, которые разграничивают различные национальные школы в пределах Европы... Построить теоретическую и методологическую базу для эмпирических исследований европейских этнологов, углублять и координировать их разрозненные труды — таковы основные цели журнала»⁹.

И в самом деле, в «*Ethnologia Europaea*», начиная с первых же томов, печатаются наряду с узкотематическими и чисто описательными статьями работы программные и методологические. Автором одной из первых работ такого рода — «Понятие европейского этнического комплекса» — был Роган-Чермак. Он обосновывал выделение Европы как целостной области, подлежащей этнографическому изучению. Роган-Чермак писал, что именно в таком качестве «европейская культурная общность не только связана с европейской этнической общностью, но она ее определенно выражает». Рассматривая последовательно черты европейского этнического комплекса — культурные, языковые, расовые, географические, автор подчеркивал «открытость» европейской культуры, проявляющуюся в наличии «мостов», соединяющих Европу с соседними материками — Азией и Африкой; он отмечал также важный факт иерархичности «этнических» связей, насчитывавших до 20 ступеней: индивид, семья, родственный союз, соседство, административная «комму-

⁴ Montandon G. L'ologénèse culturelle. P., 1934.

⁵ Biasutti R. Le razze e i popoli della terra. Torino, 1940, № 2 (3 ed.— 1959).

⁶ См., например: Histoire générale de l'Europe/Dirigée par Livet G. et Mousnier R. V. 1—3. P., 1980.

⁷ Laos. Etudes comparées de folklore ou d'éthnologie régionale/Réd. Erixon S. Stockholm, 1951, t. I; 1952, t. II; 1955, t. III.

⁸ Ethnologia Europaea. Revue Internationale d'Ethnologie Européenne (далее — EE).

⁹ Ibid., 1967, v. I, № 1.

на» и т. п. вплоть до «народа», «французской нации», «государства» и т. д.¹⁰

Успешное начинание с выпуском международного журнала «Ethnologia Europaea» вдохновило и отдельные региональные группы ученых на создание подобного типа изданий. Так появились в 1967 г. «Ethnologia Slavica», в 1971 г. — «Ethnologia Scandinavica»; оба издания оказались жизнеспособными¹¹.

Советские этнографы также внесли свой вклад в общеевропейские исследования. Был составлен перспективный план коллективных работ, предусматривающий этнографическое изучение Европейской части СССР и зарубежных европейских стран. В качестве подготовительного свода фактического материала была создана многотомная серия «Народы мира. Этнографические очерки»; два из ее 18 томов посвящены народам Европейской части СССР и два — народам Зарубежной Европы¹². В подготовке статей по этнографии отдельных народов принимали активное участие исследователи из европейских социалистических стран.

Последние десятилетия ученые стран Европы занимаются сравнительно-типологическими исследованиями отдельных сторон традиционной культуры европейских народов. В 1966 г. была начата подготовка «Этнографического атласа Европы и сопредельных стран»¹³. В большинстве европейских стран работа по составлению национальных и общеевропейских атласов идет параллельно¹⁴. К сожалению, при координации исследований выбор тем для обобщающих карт определяется не столько их важностью, сколько степенью изученности и наличием того или иного материала в разных странах. В 1980 г. был опубликован том о ритуальных огнях¹⁵. Подготавливаются еще два тома: «Виды пахотных орудий» и «Материал и способы возведения стен жилых домов в постоянных поселениях».

О возможностях, открываемых такими исследованиями, свидетельствует интересная попытка сравнительно-типологического изучения европейских архаических форм одежды (особенно женской рубахи), принятая словацким этнографом С. Ковачевичевой¹⁶. На материалах «Словацкого этнографического атласа», подготовленного к печати, она убедительно показала, что архаический комплекс женской одежды Европы делится на два основных типа, граница между ареалами которых тянется через Центральную Европу с северо-востока на юго-запад (в дальнейшем она была скрыта более поздними напластованиями). Эти типы представлены длинной рубахой туникообразного покроя (одинаковой для женщин и мужчин), происшедшей от туники античной и далматинской (cazula), и двухчастным костюмом, состоящим из поясной одежды и короткой рубахи (pendula). Второй тип С. Ковачевичева, основываясь на анализе средневековых иконографических материалов,

¹⁰ Ibidem.

¹¹ См.: Ethnologia Slavica. Bratislava, 1967; Ethnologia Scandinavica, a Journal for Nordic Ethnology. Stockholm, 1971.

¹² Народы Европейской части СССР. Т. I—II. М.: Наука, 1964; Народы Зарубежной Европы. Т. I—II. М.: Наука, 1964, 1965. См. также: Очерки общей этнографии. Зарубежная Европа. М.: Наука, 1966.

¹³ Брук С. И., Токарев С. А. Проблемы составления Европейского историко-этнографического атласа.— Сов. этнография, 1970, № 4; Брук С. И. Общеевропейский историко-этнографический атлас.— Сов. этнография, 1970, № 6.

¹⁴ Русские. Историко-этнографический атлас. Земледелие. Крестьянское жилище. Крестьянская одежда (сер. XIX — нач. XX в.)/Ред.: Александров В. А., Козлов В. И., Кушнер П. И., Рабинович М. Г. М.: Наука, 1967; Geiger P., Weis R. Atlas der schweizerischen Volkskunde. Teil 1. Zürich, 1951; Österreichischer Volkskundeatlas (1 Lief., Linz, 1950; 2 Lief., Wien, 1965; 3 Lief., Wien, 1968); Atlas der deutschen Volkskunde/Red. Zender M. Marburg, 1 Lief., 1958; 2 Lief., 1963; 3 Lief., 1964; Erixon S. Atlas over svensk folkskultur. 1 Materiell och social kultur. Uddevalla, 1957; Polski atlas etnograficzny/Red. Gajek Y. Warszawa, z. pr., 1958; z. 1, 1964; z. 3, 1967; z. 4, 1971.

¹⁵ Forschungen zum Ethnologischen Atlas Europas und seiner Nachbarländer. B. 1—Die Termine der Jahresfeier in Europa/Red. Zender M. Göttingen, 1980.

¹⁶ Kovačevićová S. Hemdformen in der Slowakei und in Europa.— EE, 1976, v. IX.

связывает с одеждой даков, сохранившейся при появлении туники вместе с христианизацией в I тысячелетии.

Важным этапом координации сравнительно-типологических исследований стала деятельность Международной комиссии по изучению народной культуры Карпат и Балкан (МКККБ), в рамках которой по единой согласованной программе (с 1959 г.) ведется изучение отдельных элементов народной культуры Карпато-Балканского региона учеными Болгарии, Венгрии, Польши, СССР, Чехословакии и Югославии¹⁷.

Первым опытом сравнительно-типологического изучения культуры народов Зарубежной Европы советскими этнографами было исследование сельского жилища и традиционных обычаев и обрядов. В коллективной монографии, посвященной сельскому жилищу стран Зарубежной Европы¹⁸, была осуществлена попытка его типологизации. За основу систематики приняты горизонтальная планировка (в историческом развитии) и «рост» жилища по вертикали. Было выделено восемь типов, географически размежеванных, но, как правило, не резко разграниченных, а связанных между собой разнообразными смешанными и переходными формами. Многообразие форм и типов жилища, сложившихся в ходе длительного исторического процесса, обусловлено природными, социально-экономическими, религиозными и другими факторами. Под влиянием адаптации к одинаковым условиям жизни общая культурная традиция в жилище возникала независимо от этнических границ. Лишь тип жилища, определенный как восточно-среднеевропейский (с холодными сенями), был распространен преимущественно у западно-славянских народов, но встречался и у соседствующих с ними венгров, австрийцев, румын. Сельские жилища южных славян по своему типу не выделяются среди жилищ других балканских народов.

В коллективной монографии «Календарные обычаи и обряды народов Зарубежной Европы»¹⁹ календарная обрядность рассматривается в этнографическом аспекте в качестве составного элемента культуры. Основное внимание уделяется XIX— началу XX в. Было выделено несколько генетических слоев календарной обрядности, древнейший из которых (хозяйственный календарь с магией плодородия) характерен для всех европейских народов, как и для народов всего мира. Региональные различия в календарной обрядности этого слоя связаны с экологическими зонами Европы и хозяйственными занятиями населения (земледелие, скотоводство, рыболовство, охота). Следующий исторический пласт составляют обряды, отражающие верования, непосредственно предшествовавшие христианству. Эти обряды также обусловлены хозяйственно-географической средой и группируются в пределах Европы в нескольких крупных зонах. Примером такого ареала служат обряды народов Юго-Восточной Европы, сохранившие следы восточных влияний, характерных для античной эпохи греко-римского мира. Для более позднего исторического пласта, сформировавшегося после распространения христианства, характерен религиозно-обрядовый синкретизм.

В новое время широко распространились общеевропейские формы календарной обрядности. Особый пласт культуры представляют включенные в календарную обрядность государственные и традиционные праздники, связанные с современным общественно-культурным движением фольклоризма и возведенные в ранг этнических символов²⁰.

Таким образом, календарные обряды сформировались из разновременных явлений; отдельные слои обрядов и обычаев сосуществуют и взаимно переплетаются.

¹⁷ Carpatica (Carpatobalcanica). Commission internationale pour les études de la culture populaire carpatique et balcanique. I—XII. Bratislava, 1969—1983.

¹⁸ Типы сельского жилища в странах Зарубежной Европы. М.: Наука, 1968.

¹⁹ Календарные обычаи и обряды народов Зарубежной Европы. Зимние праздники. М.: Наука, 1973; то же. Весенние праздники. М.: Наука, 1977; то же. Летне-осенние праздники. М.: Наука, 1978.

²⁰ Календарные обычаи и обряды народов Зарубежной Европы. Исторические корни и развитие обычаев. М.: Наука, 1983.

Результаты сравнительно-типологических исследований показали, что границы пространственного размещения различных элементов материальной и духовной культуры не коррелируют друг с другом, а также с границами расселения народов. Ареалы их чрезвычайно сложно перекрещиваются и пересекаются. Во всем этом кажущемся беспорядочном многообразии можно, однако, выделить взаимосвязанные комплексы различного типа.

Для теоретического осмысления накопленного наукой большого фактического материала очень важна разработанная советскими учеными типологизация культурных общностей, особенно концепция хозяйственно-культурных типов и историко-этнографических областей. Определение хозяйственно-культурного типа и историко-этнографической области было сформулировано М. Г. Левиным и Н. Н. Чебоксаровым: «Под хозяйственно-культурными типами следует понимать исторически сложившиеся комплексы особенностей хозяйства и культуры, характерные для народов, обитающих в определенных естественно-географических условиях, при определенном уровне их социально-экономического развития». А историко-этнографическая область — «территория, на которой в результате длительных связей, взаимного влияния и общности исторических судеб народов, населяющих эту территорию, сложилась определенная культурная общность»²¹. Историко-этнографическая или хозяйственно-культурная общность может быть выделена только в результате специального изучения, принадлежность к ней в отличие от этнической общности населением не осознается. Общностями более высокого таксономического уровня предложено считать историко-этнографические провинции²².

В свете этой концепции Европу в целом можно рассматривать как историко-этнографическую провинцию, сформировавшуюся на основе определенной общности социально-экономического развития населяющих ее народов и их длительных и тесных исторических контактов. На протяжении веков, в ходе разнообразных исторических связей людей, их хозяйственной и культурной деятельности складывалась историко-культурная общность народов Европы. Границы этой большой провинции нечетки, они не вполне совпадают с физико-географическими границами Европы. Так, на юге границей «этнографической Европы» принято считать не Средиземное море, а Сахару, ибо вся Северная Африка к северу от этой пустыни всегда включалась в систему европейских связей. На востоке и юго-востоке вся Малая Азия, Сирия и Палестина представляют зону перехода от культуры Европы к культуре Азии. Далее подобной же переходной зоной являются Кавказ и бассейн Волго-Камья.

Эта крупная провинция делится на отдельные области и подобласти. Выделить критерии для разграничения историко-этнографических (традиционно-культурных) областей — задача очень сложная: границы их неопределенны и подвижны; они, кроме того, пересекаются с ареалами других общностей (лингвистических, конфессиональных, антропологических и др.). При современном состоянии науки можно сделать только самые общие выводы.

Формирование историко-этнографических областей в Европе обуславливалось влиянием целого ряда факторов, главными из которых были природно-географические, экономические и политические. Этот процесс проходил в самых разных хронологических рамках и был связан с конкретной историей европейских народов, с изменением государственных границ, зон влияния, ценностных ориентаций. Основные ареалообразующие факторы здесь следует искать в социальной сфере.

²¹ Левин М. Г., Чебоксаров Н. Н. Хозяйственно-культурные типы и историко-этнографические области. — Сов. этнография, 1955, № 4, с. 4, 10.

²² См.: Андрианов Б. В., Чебоксаров Н. Н. Историко-этнографические области: проблемы историко-этнографического районирования. — Сов. этнография, 1975, № 3; Бромлей Ю. В. Современные проблемы этнографии. М.: Наука, 1981, с. 50—51.

Хозяйственно-культурные типы определяются направлением хозяйства; они не свидетельствуют в отличие от историко-культурных территорий о контакте между народами и могут возникнуть конвергентно. Типология форм хозяйства в Европе в конце доиндустриального периода сложна. Здесь преобладал один из исторически наиболее поздних типов хозяйства — плужное земледелие умеренной зоны, животноводство, имеющее подсобное значение, и различные формы сочетания сельского хозяйства с обрабатывающей городской и сельской промышленностью. Но в некоторых районах этот преобладающий традиционный тип варьировал или уступал место другим типам. Так, в высокогорных районах основным типом хозяйства было альпийское (отгонное) скотоводство, в северных областях — стойловое животноводство. На побережье северных и южных морей на первый план выступало рыболовство. Преимущественно в горных областях исторически преобладали сельские и городские промыслы, тесно связанные с рынком. Различия этих хозяйственно-культурных традиционных типов придают еще более пестрый вид этнокультурной карте Европы.

Сравнительная легкость общения между жителями отдельных областей Европы содействовала выравниванию культурного уровня народов и формированию определенного культурного единства всего населения Европы. Но это единство не мешало значительному разнообразию культурных типов.

Конечно, не надо забывать, что названные здесь традиционные типы хозяйства и культуры в ходе длительного процесса индустриализации и урбанизации (правда, неравномерного в странах Европы) сильно изменились как в капиталистическом, так и в социалистическом мире. В частности, теперь почти во всех европейских странах промышленность преобладает над сельским хозяйством.

Культурная общность европейских народов — явление динамическое. Она складывалась и видоизменялась на протяжении многих веков социального развития, общего роста материального производства, взаимодействия языков и культур. Исторически менялись не только границы отдельных этнических общностей, но и внутренняя структура каждой из них. Это дает право рассматривать Европу не только как определенную историко-культурную зону, но и как известного рода систему, состоящую из взаимодействующих частей.

Нерешенным остается пресловутый вопрос о происхождении индоевропейских языков и народов. О его значении свидетельствует уже тот факт, что на индоевропейских языках говорит подавляющая часть населения Европы. Родство языков индоевропейской семьи было открыто еще в начале XIX в. В настоящее время лингвистами исследованы во всех подробностях эти языки, их взаимосвязи. Но до сих пор много спорят о том, когда и где впервые зародились эти языки, как соотносятся они с другими языками (вспомним, например, «ностратическую» теорию В. Иллич-Свитыча)²³.

Помимо политических связей, помимо взаимодействия языков был еще один фактор, в течение столетий влиявший на культурные отношения между европейскими народами, — это церковно-конфессиональные различия. Еще в III—X вв. почти во всех странах Европы распространилось христианское вероучение, пришедшее с Ближнего Востока. Эта новая религия, вытеснившая местные «языческие» культы, послужила мощным фактором культурной интеграции европейских народов. Однако уже в середине XI в. христианская Европа резко раскололась на западную, «католическую», строго централизованную, подчинявшуюся римскому епископу («папе»), и на восточную, «православную» церковь, тяготевшую к византийскому патриарху, но не столь монолитную. Позднее, в XVI в., от католической церкви стали откалываться различные «протестантские» церковные общины и секты. Разница между конфессиями касалась не столько чисто богословских доктрин, сколько отношения к светской и политической жизни: от сурового аскетического

²³ Иллич-Свитыч В. М. Опыт сравнения ностратических языков. Т. 1. М., 1971.

кальвинизма до более толерантного лютеранства и гибкого православия.

Уже на ранних стадиях исторического процесса в Европе складывались историко-культурные общности, о чем свидетельствуют и локальные археологические культуры. Предметом острых дискуссий служит до сих пор проблема этнической интерпретации археологических культур. Одним из первых ученых, связавших выявленные в Европе археологические культуры с конкретными этносами, был испанец П. Бош-Гимпера²⁴. Однако многие археологи в настоящее время поняли бесперспективность прямого сопоставления археологических и этнических культур. Советские археологи и этнографы чаще всего соотносят теперь археологические культуры с хозяйственно-культурными или историко-этнографическими областями²⁵. Тем самым ограничивается возможность использования археологических данных для этногенетических реконструкций. Так, путем ретроспективного метода ученые связывают определенные археологические памятники V—VI вв. в Европе со славянами, о более же раннем периоде славянского этногенеза можно только делать предположения.

Смена археологической культуры далеко не всегда означает и смену этноса. Например, после падения Великоморавского государства и прихода венгров в Подунавье, как показали археологические раскопки последних лет в Словакии, еще в X в. была явная граница между северными районами со славянским населением, сохранившим великоморавскую культурную традицию, и южными, славяно-венгерскими районами (так называемая белобродская культура, отражающая скотоводческий культурно-хозяйственный тип). Однако в XII в. эту границу между северными и южными районами уже невозможно выявить²⁶, так как, по-видимому, за это время произошли существенные перемены в социальной жизни населения: после присоединения северных областей современной Словакии к Венгерскому королевству сформировалась новая историко-этнографическая общность в границах средневековой Венгрии.

Для каждой исторической эпохи характерна своя структура историко-этнографических областей. Проблема этнографического районирования Европы даже на одном историческом этапе очень сложна, работа в этой области еще только начинается. Большим препятствием служит неравномерность изученности традиционно-бытовой культуры в разных странах; выявление историко-культурных комплексов и систем ареалообразующих факторов станет возможным только после создания Этнографического атласа Европы.

Непременная черта всех историко-этнографических общностей — их иерархичность. Исследования последних лет позволяют выделить ряд отдельных, разновременных по происхождению историко-этнографических областей разного уровня в пределах СССР и Зарубежной Европы, обладающих комплексом характеристик, сближающих их между собой. Это, например, Юго-Восточная Европа²⁷, Карпатский регион²⁸, Восточная Прибалтика²⁹, Урало-Поволжский регион³⁰.

²⁴ Bosch-Gimpera P. Les Indo-Européens, problèmes archéologiques. P., 1960.

²⁵ См.: Монгайт А. Л. Археология Западной Европы. Т. I—II. М., 1973, 1974; его же. Задачи и возможности археологической картографии. — Сов. археология, 1962, № 1, с. 18; Проблемы типологии в этнографии. М.: Наука, 1979, с. 146.

²⁶ Hadovštiak A. Stredoveké zaniknuté sídliska ako predmet historicko-archeologického výskumu. — Archeologica Historica, 1973, № 1, s. 221—228; Lidová kultura a súčasnosť, sv. V — Lidová stavebná kultura. Brno, 1981, s. 20.

²⁷ Иванова Ю. В. Формирование культурной общности народов Юго-Восточной Европы. — Исторические и историко-культурные процессы на Балканах. М., 1982, с. 164—193.

²⁸ Бромлей Ю. В., Грацианская Н. Н. Проблемы этнографического изучения культурной общности населения Карпат. — Карпатский сборник (Ethnographia Carpathica). М., 1976, с. 7—15.

²⁹ Терентьева Л. Н., Шлыгина Н. В. К вопросу о формировании этнографических границ Прибалтийского региона. — В кн.: Проблемы типологии в этнографии. М., 1979, с. 28—38.

³⁰ Пименов В. В. Урало-Поволжская историко-этнографическая область. — В кн.: Проблемы типологии в этнографии, с. 39—47.

Большую историко-этнографическую область представляла собой прежняя Австрия (Австро-Венгрия), объединявшая в своих границах много народов. «Пока разные нации живут в одном государстве,— писал В. И. Ленин,— их связывают миллионы и миллиарды нитей экономического, правового и бытового характера»³¹. На развитие традиционной бытовой культуры в Габсбургской империи, несомненно, повлияли многочисленные регламентации австрийского правительства, касающиеся системы землевладения (это отразилось на формах поселений и усадеб) и характера строительного материала, что повлекло за собой изменения в жилище и системе отопления; регламентации в одежде для разных слоев населения сказались на развитии народного костюма и т. д. Серьезные изменения в бытовой культуре сельского населения произошли вследствие урбанизации, темпы которой усилились во второй половине XIX в. (яркий пример того — контаминация элементов народного костюма и городской одежды).

В свете этнографических исследований последних лет славянская культурная общность, единство которой по традиции считалось особенно тесным, представляется рассеченной на ряд историко-этнографических областей, объединяющих разные группы славян с другими, соседними народами. Культурная дифференциация славянства стала ощутимой уже в средневековье, когда зона влияния католической церкви означала для западных славян отказ от славянской литургии и древнеславянского литературного языка. В процессе дальнейшего развития различия усугублялись государственными границами.

Балканские славяне, входившие в состав Османской империи, вследствие обособленности и замедленного социально-экономического развития приобрели многие черты, отличающие их в культурном отношении от родственных им южных славян империи Габсбургов, но в то же время объединяющие с другими (неславянскими) народами, оказавшимися под властью Османского государства.

Разновременные по происхождению и различные по своим культурно-бытовым особенностям историко-этнографические области в пределах Европы при разной степени сохранности существуют и в наши дни. Складывание новых историко-этнографических областей продолжается. Тенденция к формированию такого нового ареала заметна у европейских стран социалистического содружества — как следствие тесных межгосударственных связей, экономической и культурной интеграции. Социалистический образ жизни, связанный с социалистическим общественным строем, утверждался в этих странах вместе с коренными социально-экономическими преобразованиями. В каждой из них социалистический образ жизни имеет свои особенности, однако общие черты его определяются самим характером социального строя. Стирание социальных различий, социальная однородность приводят к выравниванию условий жизни всех слоев населения. Это сказывается не только в материальной, но и в духовной культуре. Создается новая система ценностей, качественно отличная от ценностных ориентаций, поведенческой культуры классовых буржуазных обществ. Большую роль в процессе совершенствования социалистического образа жизни играет целенаправленное управление культурными традициями, осуществляемое государством³².

Вместе с тем процесс сглаживания культурно-бытовых различий идет и в пределах всей Европы под влиянием индустриально-городской культуры, но он неодинаков в разных сферах социальной жизни.

³¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 24, с. 175.

³² Развитие социализма: общее и специфическое в его строительстве. М., 1980; Белова Л. В. Социалистический образ жизни. Л., 1980; Проблемы социалистического образа жизни. М.: Наука, 1982; Hadžinikolov V. Die sozialistische Lebensweise.— Jahrbuch für Volkskunde und Kulturgeschichte. B. 7, 1979, S. 27—48; Hulaková M. Životní způsob a problem hodnot. Pr., 1980; Linhart Y. Dynamika sociálne tídní štruktúry a zmeny vo spôsobu života v Československu.— Sociologický časopis, Pr., 16, 1980, № 13.